

Пуже Эмиль.

Саботаж

1969, источник: [здесь](#)

- [Некоторые исторические вехи](#)
- [«Товар» труда](#)
- [Классовая мораль](#)
- [Методы саботажа](#)
- [Обструкционизм](#)
- [Заключение](#)
- [Примечания](#)

Некоторые исторические вехи

Еще пятнадцать лет назад слово «саботаж» было просто сленговым термином, обозначавшим не изготовление деревянных башмаков, а образное и выразительное действие, выполняемое «как ударами башмаков».

С тех пор он превратился в формулу социальной борьбы, и на Конфедеральном конгрессе в Тулузе в 1897 году он получил профсоюзное крещение.

С самого начала новичок не был встречен всеми в рабочих кругах с теплым энтузиазмом. Некоторые смотрели на него с недоверием, упрекая его в простонародном происхождении, анархизме, а также в... аморальности.

Несмотря на эту подозрительность, граничащую с враждебностью, саботаж проложил себе путь... во всех сферах жизни. Теперь он пользуется симпатией рабочих. И это еще не все. Он завоевал право на существование в словаре Larousse, и нет сомнений, что Академия — если только она сама не была «саботирована» до того, как дошла до буквы S в своем словаре — решится отдать слову «саботаж» самое торжественное почтение и открыть для него страницы своего официального сборника.

Однако было бы ошибкой полагать, что рабочий класс ждал, пока этот способ борьбы будет освящен корпоративными съездами, чтобы прибегнуть к саботажу. Он, как и все формы восстания, так же стар, как и эксплуатация человека.

С того момента, как человек проявил преступную изобретательность, чтобы извлечь выгоду из труда своих собратьев, эксплуатируемый инстинктивно стремился давать меньше, чем требовал его хозяин.

Поступая так, с такой же бессознательностью, с какой Журден писал прозу, этот эксплуатируемый занимался саботажем, тем самым, сам того не зная, проявляя непреодолимое противостояние, которое ставит друг против друга капитал и труд.

Это неизбежное следствие постоянного конфликта, разделяющего общество, три четверти века назад осветил гениальный Бальзак. В «Доме Нусинген» по поводу кровавых беспорядков в Лионе в 1831 году он дал нам четкое и остроумное определение саботажа:

«Вот, — объясняет Бальзак. — Много говорили о событиях в Лионе, о республике, разгромленной на улицах, но никто не сказал правду.»

Республика захватила бунт, как повстанец захватывает ружье. Правду я вам скажу, она забавная и глубокая.

Торговля в Лионе — это бездушная торговля, которая не производит ни сантиметра шелка, если на него нет заказа и если оплата не гарантирована. Когда заказы прекращаются, рабочий умирает с голоду, он едва зарабатывает на жизнь, работая, каторжники счастливее его.

После июльской революции нищета дошла до такой степени, что КАНУТЫ подняли флаг: «Хлеб или смерть!» — одна из тех прокламаций, которые правительство должно было изучить. Она была вызвана дороговизной жизни в Лионе. Лион хочет строить театры и стать столицей, отсюда и бессмысленные пошрины. Республиканцы почувствовали этот бунт из-за хлеба и организовали CANUTS, которые сражались вдвойне. Лион пережил свои три дня, но все вернулось на круги своя, а canut — в свою лачугу.

Шелковод, «честный до сих пор», сдавая ткань, сдавая шелк, который ему взвешивали в связках, «выбросил честность за дверь, думая, что торговцы его обманывают, и смазал пальцы маслом: он отдал вес за вес, но продал шелк, представленный маслом», и торговля шелковыми изделиями была заражена «смазанными тканями», что могло привести к гибели Лиона и одной из отраслей французской торговли... Таким образом, беспорядки привели к появлению «грос де Наполе» по сорок су за локоть...

* * *

Бальзак тщательно подчеркивает, что саботаж ткачей был мстью жертв. Продавая «скребок», который они заменили маслом в ткацких станках, они мстили жестоким фабрикантам... тем фабрикантам, которые обещали рабочим Круа-Рус дать им на пропитание штыки вместо хлеба... и которые с лихвой сдержали свое обещание!

Но может ли быть случай, когда саботаж не является мстью? Не является ли, в действительности, источником любого акта саботажа, а значит, и предыдущего, акт эксплуатации?

Но разве эксплуатация, в каких бы то ни было особых условиях она ни проявлялась, не порождает — и не оправдывает — все акты восстания, какими бы они ни были?

Это возвращает нас к нашему первоначальному утверждению: саботаж так же стар, как и эксплуатация человека!

Кроме того, он не ограничивается границами нашей страны. В своей нынешней теоретической формулировке он является английским заимствованием.

Саботаж известен и практикуется за Ла-Маншем уже давно под названием «Ca'Canny» или «Go Canny», что в переводе с шотландского диалекта означает примерно «не переусердствуй».

Пример убедительной силы «Go Canny» приводится в Музее социальной истории: [1]

“ В 1889 году в Глазго началась забастовка. Докеры-профсоюзники требовали повышения заработной платы на 10 центов в час. Работодатели отказались и за большие деньги привезли на замену значительное количество сельскохозяйственных рабочих. Докеры были вынуждены признать свое поражение и согласились работать по прежним ставкам при условии, что сельскохозяйственные рабочие будут уволены. Когда они собирались вернуться на работу, их генеральный секретарь собрал их и сказал:

«Сегодня вы вернетесь на работу по прежним ставкам. Работодатели неоднократно заявляли, что они очень довольны работой сельскохозяйственных рабочих, которые заменили нас на несколько недель. Мы видели их; мы видели, что они даже не умеют ходить по кораблю, что они роняют половину грузов, которые несут, короче говоря, что двое из них не могут выполнить работу одного из нас. Тем не менее, работодатели заявляют, что они в восторге от работы этих людей; поэтому нужно просто предоставить им таких же и практиковать «Ca'Canny». Работайте так, как работали сельскохозяйственные рабочие. Только иногда они падали в воду; вам не нужно делать то же самое. Это указание было выполнено, и в течение двух-трех дней докеры придерживались политики «Ca'Canny». По истечении этого времени работодатели вызвали генерального секретаря и сказали ему попросить людей работать как раньше, в обмен на что они согласились повысить зарплату на 10 центов...

Вот и все, что касается практики. Теперь перейдем к теории. Она заимствована из английской брошюры, опубликованной около 1895 года для популяризации «Go Canny»:

“ Если вы хотите купить шляпу, которая стоит 5 франков, вы должны заплатить 5 франков.

Если вы хотите заплатить только 4 франка, вам придется довольствоваться шляпой более низкого качества.

Шляпа — это товар.

Если вы хотите купить полдюжины рубашек по 2,50 франка за штуку, вы должны заплатить 15 франков. Если вы хотите заплатить только 12,50 франка, вы получите только пять рубашек.

Рубашка — это товар.

Работодатели заявляют, что труд и мастерство — это просто товары, такие же, как шляпы и рубашки. «Хорошо, — говорим мы, — мы принимаем ваше слово».

Если труд и мастерство являются товарами, то владельцы этих товаров имеют право продавать свой труд и мастерство точно так же, как шляпник продает шляпу или портной — рубашку.

Они дают ценность за ценность. За более низкую цену вы получаете товар более низкого качества.

Платите работнику хорошую зарплату, и он предоставит вам лучшее качество работы и мастерства.

Платите работнику недостаточную зарплату, и вы больше не будете иметь права требовать лучшего качества и большего количества работы, чем вы имели право требовать шляпу за 5 франков за 2,50 франка.

Таким образом, принцип «Go Sanny» заключается в систематическом воплощении в жизнь девиза «Плохая зарплата — плохая работа!». Но этим дело не ограничивается. Из этого девиза, как логическое следствие, вытекают разнообразные проявления воли рабочих, противоречащие жадности работодателей.

Эта тактика, популяризированная, как мы только что видели, в Англии ещё в 1889 году, пропагандируемая и практикуемая профсоюзными организациями, не могла не перекинуться через Ла-Манш. Более того, несколько лет спустя она проникла и во французские профсоюзные круги.

Именно в 1895 году впервые во Франции мы обнаруживаем следы теоретического и осознанного проявления саботажа: Национальный профсоюз железных дорог в то время вёл кампанию против законопроекта — законопроекта Мерлена-Трарьё, — направленного на лишение железнодорожников права на объединение в профсоюзы. Встал вопрос о всеобщей забастовке в ответ на голосование по этому закону, и в этой связи Герар, секретарь профсоюза и, соответственно, делегат съезда Федерального союза центра (Аллеманистской партии), выступил с категоричной и чёткой речью. Он заявил, что железнодорожники не остановятся ни перед чем ради защиты свободы объединения и что, если потребуется, они найдут способ сделать забастовку эффективной собственными методами; он намекнул на остроумный и недорогой способ: «...двумя центами, использованными определённым образом, — заявил он, — мы можем сделать локомотив неработоспособным...»

Это ясное и резкое заявление, открывшее невиданные горизонты, вызвало большой резонанс и глубокое волнение в капиталистических и правительственных кругах, которые уже с тревогой ожидали угрозы железнодорожной забастовки.

Однако, если в речи Герара поднимался вопрос о саботаже, было бы неверно делать вывод, что он появился во Франции только 23 июня 1895 года. Именно тогда он начал приобретать популярность среди профсоюзных организаций, но это не означает, что до этого он оставался неизвестным.

В качестве доказательства того, что он был известен и практиковался ранее, достаточно вспомнить, как типичный пример, знаменитую «замазку» из истории телеграфа:

Около 1881 года телеграфисты Центрального управления, недовольные ставкой за ночные сверхурочные часы, обратились с петицией к тогдашнему министру, г-ну А. Кошери. Они потребовали десять франков вместо прежних пяти за обеспечение вечернего обслуживания в 7:00 утра. Они ждали ответа от администрации несколько дней. Наконец, когда ответа не последовало, а сотрудники Центрального управления были уведомлены, что им даже не ответят, началось вялое волнение. Забастовка была невозможна, поэтому они прибегли к «замазке». В одно прекрасное утро Париж проснулся без телеграфной связи (телефон ещё не был установлен). Так продолжалось четыре-пять дней. Руководящий состав управления, инженеры с многочисленными бригадами надсмотрщиков и рабочих прибыли в центральный офис, раскопали все кабели линий, проследили их от входа в канализацию до устройств. Они ничего не обнаружили. Через пять дней после этой «замазки», памятной в анналах Центрального управления, администрация получила уведомление, что отныне за ночное обслуживание будет взиматься десять франков вместо пяти. Никто не просил больше. На следующее утро все линии были восстановлены, как по волшебству. Виновные в «замазке» так и не были найдены, и хотя администрация догадывалась о мотивах, средства оставались неизвестными. [2]

С 1895 года тревога была поднята по тревоге. Саботаж, до сих пор практиковавшийся рабочими лишь бессознательно и инстинктивно, – под сохранившимся распространённым названием – получил своё теоретическое освящение и занял своё место среди проверенных средств борьбы,

признанных, одобренных и пропагандируемых профсоюзными организациями.

Только что открылся Конфедеративный конгресс, состоявшийся в Тулузе в 1897 году.

Префект Сены, г-н де Сельв, отказал делегатам от Союза муниципальных рабочих в запрошенном ими отпуске для участия в этом конгрессе. Союз профсоюзов Сены выразил протест, справедливо расценив это вето как посягательство на свободу объединений.

Этот запрет был поднят на первом заседании Конгресса, и было внесено предложение о вынесении порицания префекту Сены. Один из делегатов – не кто иной, как автор настоящего исследования – отметил, насколько мало г-н де Сельв заботился о стигматизации рабочего конгресса. И он добавил:

«Я считаю, что вместо того, чтобы ограничиваться протестами, лучше действовать. Вместо того, чтобы подчиняться приказам вождей, склоняя головы перед их прихотями, эффективнее отвечать тем же. Почему бы не ответить на пощёчину пинком?..» Я объяснил, что мои наблюдения проистекают из боевой тактики, которую должен был определить

Конгресс. В этой связи я вспомнил волнение и страх, потрясшие капиталистический мир, когда товарищ Герар заявил, что небольшой суммы в 10 сантимов... потраченных разумно,... будет достаточно, чтобы железнодорожник не дал поезду, приводимому в движение мощными паровыми двигателями.

Затем, вспомнив, что эта революционная тактика, о которой я говорил, будет обсуждаться на Конгрессе, я в заключение внёс следующее предложение:

« Конгресс, признавая излишним обвинять правительство, которое выполняет свою роль по обузданию трудящихся, призывает муниципальных служащих нанести ущерб службам города Парижа на сумму сто тысяч франков в качестве вознаграждения г-ну де Сельву за его вето.

Это был фейерверк!... И он длился недолго. Поначалу многие делегаты были ошеломлены, поскольку изначально не поняли намеренно возмутительного смысла предложения.

Начались протесты, и повестка дня просто похоронила моё предложение.

Какое это имело значение! Цель была достигнута: внимание съезда было привлечено, дискуссия была открытой, и мысль была стимулирована.

Итак, несколько дней спустя отчёт, представленный Комиссией по бойкоту и саботажу профсоюзному собранию, был воспринят с величайшей и тёплой симпатией.

В этом отчёте, после определения, объяснения и рекомендации саботажа, Комиссия добавила:

« До сих пор рабочие называли себя революционерами, но по большей части они оставались на теоретической почве: они работали над развитием идей освобождения, разрабатывали и пытались наметить план будущего общества, в котором эксплуатация человека будет устранена.

Но почему, наряду с этой просветительской работой, необходимость которой неоспорима, не было предпринято никаких попыток противостоять посягательствам капитализма и, насколько это возможно, смягчить требования работодателей к рабочим?

На наших собраниях заседания всегда прерываются возгласами «Да здравствует социальная революция!», и эти возгласы, вместо того чтобы материализоваться в действия, затихают в шуме.

Точно так же прискорбно, что съезды, неизменно подтверждая свою революционную решимость, до сих пор не выдвинули практических решений, чтобы перейти от слов к делу.

Что касается революционного оружия, то до сих пор предлагались только забастовки, которые использовались и используются ежедневно. Помимо забастовок, мы считаем, что существуют и другие средства, которые могут в определенной степени держать капиталистов под контролем...

Одним из таких средств является бойкот. Однако Комиссия отмечает его неэффективность против промышленников, фабрикантов. Поэтому необходимо что-то другое. Это «что-то другое» – саботаж. Процитируем доклад:

“ Эта тактика, как и бойкот, пришла к нам из Англии, где она сослужила большую службу в борьбе рабочих против своих хозяев. Там она известна как «Go Sanny» (Беги, береги себя).

В этой связи мы считаем уместным процитировать обращение, недавно опубликованное Международным профсоюзом судопогрузчиков со штаб-квартирой в Лондоне: «Что такое „Go Sanny“?»

Это краткое и удобное название новой тактики, применяемой рабочими вместо забастовки.

«Если два шотландца идут вместе, и один бежит слишком быстро, другой говорит ему: „Иди медленно, не спеша“».

«Если кто-то хочет купить шляпу за пять франков, он должен заплатить пять франков. Но если он хочет заплатить только четыре, что ж, он получит шляпу худшего качества. Шляпа — это „товар“».

«Если кто-то хочет купить шесть рубашек по два франка за штуку, он должен заплатить двенадцать франков. Если он заплатит только десять франков, он получит только пять рубашек. Рубашка всё ещё „товар для продажи на рынке“».

«Если домохозяйка хочет купить кусок говядины за три франка, она должна заплатить им. А если она предложит всего два франка, значит, ей дают плохое мясо. Говядина всё ещё „товар для продажи на рынке“».

«Что ж, хозяева заявляют, что труд и мастерство — это „товар для продажи на рынке“, как шляпы, рубашки и говядина.

«Хорошо, — отвечаем мы, — мы поверим вам на слово».

«Если это «товар», мы будем продавать его так же, как шляпник продаёт шляпы, а мясник — мясо. За низкую цену они продают плохой товар. Мы будем делать то же самое.

«Хозяева не имеют права рассчитывать на нашу благотворительность». Если они отказываются даже обсуждать наши требования, что ж, мы можем применить на практике тактику «действовать осторожно» — тактику «работать исподтишка», ожидая, пока кто-то нас выслушает.

Это чётко определяется как «действовать осторожно», саботаж: ПЛОХАЯ ЗАРПЛАТА, ПЛОХАЯ РАБОТА.

Мы считаем, что эта линия поведения, применяемая нашими английскими товарищами, применима во Франции, поскольку наше социальное положение идентично положению наших братьев в Англии.

* * *

Нам остаётся определить формы, в которых должен практиковаться саботаж.

Все мы знаем, что эксплуататор обычно предпочитает усилить наше рабство в тот момент, когда труднее всего противостоять его посягательствам с помощью частичной забастовки – единственного средства, применявшегося до сих пор.

Попав в эту спираль, не имея возможности бастовать, пострадавшие рабочие подчиняются новым требованиям капиталиста.

С «саботажем» всё обстоит совершенно иначе: рабочие могут сопротивляться; они больше не находятся во власти капитала; они больше не являются мягкой плотью, которую хозяин лепит по своему усмотрению: у них есть способ заявить о своей мужественности и доказать угнетателю, что они мужчины.

Более того, «саботаж» не так нов, как кажется: рабочие всегда практиковали его индивидуально, хотя и бессистемно.

Инстинктивно они всегда замедляли производство, когда хозяин повышал свои требования; сами того не осознавая, они применяли формулу: ПЛОХАЯ ЗАРПЛАТА – ПЛОХАЯ РАБОТА.

И можно сказать, что в некоторых отраслях, где сдельная оплата заменила подённый труд, одной из причин этой замены был саботаж, заключавшийся в обеспечении минимально возможного количества работы в день. Если эта тактика уже дала результаты, применяемая непоследовательно, то чего она не даст, когда станет постоянной угрозой для капиталистов?

И не думайте, товарищи, что, заменив подённый труд сдельной оплатой, хозяева защитили себя от саботажа: эта тактика не ограничивается подённым трудом.

Саботаж может и должен практиковаться в отношении сдельной оплаты. Но здесь подход иной: ограничение производства означало бы ограничение заработной платы рабочего; следовательно, он должен саботировать качество, а не количество. И тогда рабочий не

только не даст покупателю своего труда больше, чем он стоит, но и сможет обратиться к своим покупателям, которые обеспечат ему бесконечное обновление капитала, основы эксплуатации рабочего класса. Таким образом, эксплуататор окажется вынужденным либо капитулировать, удовлетворив выдвинутые требования, либо передать оборудование исключительно в руки производителей.

Возникают два распространённых случая: случай сдельной работы на дому с использованием оборудования, принадлежащего рабочему, и случай, когда работа централизована на фабрике работодателя, которой он владеет.

В этом втором случае саботаж производства товаров усугубляется саботажем оборудования.

И здесь стоит лишь напомнить вам о волнении, охватившем буржуазный мир три года назад, когда стало известно, что железнодорожники могут, потратив два цента на определённый ингредиент, вывести локомотив из строя. Это волнение – предостережение нам о том, чего могут добиться сознательные и организованные рабочие.

Благодаря «бойкоту» и его незаменимому дополнению – саботажу – у нас есть эффективное оружие сопротивления, которое, ожидая дня, когда рабочие станут достаточно сильными, чтобы полностью освободиться, позволит нам противостоять эксплуатации, жертвами которой мы являемся.

Капиталисты должны знать: рабочий будет уважать машину только в тот день, когда она станет другом, сокращающим его труд, а не врагом, вором хлеба, убийцей рабочих, как сегодня.

В заключение этого доклада Комиссия предложила Конгрессу следующую резолюцию:

«Всякий раз, когда между работодателями и работниками возникает конфликт, независимо от того, вызван ли он требованиями работодателей или инициативой работников, и в случае, если забастовка не способна принести результаты для соответствующих работников: пусть применяют «бойкот» или «саботаж» - или и то, и другое одновременно - на основе только что представленных нами данных.»

Оглашение этого доклада было встречено на Конгрессе единодушными аплодисментами. Это было не просто одобрение: это был энтузиазм. Все делегаты были покорены и полны энтузиазма. Ни один не высказал ни малейшего критики или возражения.

Делегат от Федерации книготорговли Гамельна был не менее восторжен. Он явно одобрил рекомендуемую тактику и выразил это в точных выражениях, от которых в отчёте Конгресса остался лишь слабый отголосок:

Все средства хороши для достижения успеха, утверждал он. Добавлю, что существует множество средств, которые можно использовать для достижения успеха; их легко применять, если делать это умело. Под этим я подразумеваю, что есть вещи, которые нужно делать, а не говорить.

Вы меня понимаете.

Я прекрасно знаю, что если бы я был более конкретным, меня могли бы спросить, имею ли я право делать то или иное; но если мы продолжим делать только то, что разрешено, мы ничего не добьёмся. Вступая на революционный путь, мы должны делать это мужественно, и когда голова пройдёт, пройдёт и тело.

Выступление делегата Федерации книг было отмечено теплыми аплодисментами, и после того, как несколько ораторов добавили несколько одобрительных слов, не прозвучавших ни в одном противоречивом выступлении, следующее предложение было единогласно принято:

«Профсоюз коммерческих служащих Тулузы призывает Конгресс проголосовать путем аккламации по выводам отчета и реализовать их на практике при первой же возможности.

Крещение саботажа не могло быть более хвалебным. И это был не мимолетный успех, не вспышка на сковородке, не результат жарких дебатов — единодушные симпатии, которые только что приветствовали его, не ослабевали.

На следующем Конгрессе Конфедерации, состоявшемся в Ренне в 1898 году, новая тактика была встречена безоговорочным одобрением. Среди выступавших в её поддержку во время обсуждения был гражданин Лош, теперь уже член парламента от Парижа. Он выразил, насколько доволен был Союз механиков Сены, делегатом которого он был, решениями, принятыми на Тулузском конгрессе относительно бойкотов и саботажа.

Делегат Федерации поваров добился большого успеха и подбодрил Конгресс, с юмором рассказав следующий курьёзный случай саботажа: повара крупного парижского заведения, имея жалобу на своего хозяина, весь день оставались на своих постах, оставив печи зажжёнными; Но в тот момент, когда посетители хлынули в обеденные залы, там были только кирпичи в кастрюлях, «варящихся» в большом количестве воды... и ресторанные часы. Из доклада, завершившего обсуждение и единогласно принятого, мы приводим следующий отрывок:

«...Комиссия хотела бы отметить, что саботаж не нов; капиталисты практикуют его всякий раз, когда это в их интересах; подрядчики делают это, не выполняя условия о надлежащем качестве материалов и т. д., и они практикуют его не только в отношении материалов: что такое их снижение заработной платы, если не саботаж на животах пролетариев?

Следует также добавить, что инстинктивно рабочие реагировали на действия капиталистов замедлением производства, неосознанным саботажем. Но хотелось бы надеяться, что рабочие поймут, что саботаж может быть для них полезным оружием сопротивления, как посредством самой практики, так и страха, который он внушает работодателям, когда они поймут, что им следует опасаться его сознательной практики. И мы хотели бы добавить, что угроза саботажа часто может приносить результаты, столь же полезные, как и сам саботаж.

Конгресс не может вдаваться в подробности этой тактики; это лишь вопрос индивидуальной инициативы и темперамента, и зависит от многообразия отраслей. Мы можем только изложить теорию и надеяться, что саботаж войдет в арсенал оружия борьбы пролетариев против капиталистов, так же как и забастовка, и что все больше ориентация общественного движения будет склоняться в сторону прямых действий отдельных лиц и большего осознания их личности...

В третий и последний раз саботаж подвергся критике на конгрессе: в 1900 году, на Конфедеративном конгрессе в Париже.

Это были смутные времена. Под влиянием министра торговли Мильерана проявился отход, коренящийся в соблазнах власти. Многие активисты поддались развращающим чарам министриализма, а некоторые профсоюзные организации тяготели к политике «социального мира», которая, если бы она восторжествовала, обернулась бы катастрофой для профсоюзного движения. Это означало бы если не крах и смерть, то, по крайней мере, застой и бессилие.

Зарождался антагонизм между революционными синдикалистами и реформистами, который обострялся в последующие годы. Обсуждение и голосование по вопросу о саботаже стали первым и зачаточным проявлением этой внутренней борьбы. Обсуждение было кратким. После того, как несколько ораторов высказались за саботаж, раздался голос председателя сессии, осудившего его. Он заявил, что «если бы ему не выпала честь председательствовать, он бы оставил за собой право бороться с саботажем, предложенным товарищами Риомом и Босолеем», и добавил, что «считает его скорее вредным, чем полезным для интересов рабочих, и противоречащим достоинству многих рабочих».

Чтобы оценить ценность этого осуждения саботажа, достаточно отметить, что несколько недель спустя этому безупречному и скрупулезному моралисту, благодаря добрым услугам Мильерана, не было «противоречащим достоинству» предоставлено было ему, благодаря добрым услугам Мильерана, синекура полного покоя. [3] Докладчик Комиссии, в состав которой входил саботаж, выбранный для работы над «профсоюзным брендом», был противником саботажа. Поэтому он выразил свою позицию следующим образом:

“Мне ещё нужно сказать пару слов о саботаже. Скажу откровенно и точно. Я восхищаюсь теми, кто имеет смелость саботировать эксплуататора. Должен

даже добавить, что я часто смеялся над историями о саботаже, которые нам рассказывали, но я бы не осмелился сделать то, что сделали эти добрые друзья. Поэтому я делаю вывод: если у меня не хватает смелости что-то сделать, было бы трусостью подстрекать к этому другого.

Признаюсь вам, что, когда я порчу инструмент или что-либо, доверенное мне, не страх перед Богом парализует моё мужество, а страх перед полицией!

Оставляю судьбу саботажа на вашу заботу.

Однако конгресс не принял точку зрения докладчика. Он действительно «устранил» саботаж, но сделал это иначе, чем ему советовали. По этому специальному вопросу – о неодобрении или одобрении саботажа – было проведено голосование бюллетенями, и результаты оказались следующими:

За саботаж	117
Против	76
Пустые бюллетени	2

Это точное голосование завершило период созревания, теоретического проникновения саботажа. С тех пор, будучи бесспорно признанным, признанным и принятым, оно больше не упоминалось на профсоюзных съездах и окончательно заняло своё место среди средств борьбы, пропагандируемых и практикуемых в борьбе с капитализмом. Следует отметить, что вышеупомянутое голосование, отданное на съезде 1900 года, уже само по себе является предвестником краха, который произойдёт в профсоюзных организациях и который поставит революционеров на один полюс, а реформистов – на другой. Действительно, на всех последующих конфедеративных съездах, когда революционеры и реформисты оказывались в противоречии, революционное большинство почти всегда составляло примерно то же, что и при голосовании по вопросу о саботаже, – то есть две трети против одной трети меньшинства.

«Товар» труда

В предыдущем историческом обзоре мы только что отметили, что саботаж, известный как «Go Sanny», проистекает из капиталистической концепции, согласно которой человеческий труд является товаром.

Этот тезис поддерживают буржуазные экономисты. Они единодушно заявляют о существовании рынка труда, подобно тому, как существует рынок пшеницы, мяса, рыбы или птицы.

Учитывая это, логично, что капиталисты должны вести себя по отношению к «рабочему корму», который они находят на рынке, так же, как они покупают товары или сырье: то есть стремиться получить его по максимально возможной цене.

Это нормально, учитывая исходные данные.

Мы находимся в условиях закона спроса и предложения.

Однако менее понятно, что, по их мнению, эти капиталисты стремятся получить не количество труда, соразмерное выплачиваемой ими заработной плате, а, скорее, независимо от уровня этой заработной платы, максимальное количество труда, которое может произвести рабочий. Одним словом, они утверждают, что покупают не количество труда, эквивалентное сумме, которую платят, а внутреннюю рабочую силу рабочего: фактически, они требуют всего работника целиком – его тело и кровь, энергию и интеллект.

Заявляя это, работодатели не учитывают, что эта «рабочая сила» – неотъемлемая часть мыслящего существа, способного на волю, сопротивление и бунт.

Конечно, в капиталистическом мире всё было бы лучше, если бы рабочие были такими же бессознательными, как железные и стальные машины, которым они служат, и если бы у них, как и у них, вместо сердца и мозга были только котёл или динамо-машина.

Но это не так! Рабочие знают, в каких условиях им приходится работать, и если они терпят их, то не по своей воле. Они знают, что обладают «рабочей силой», и если они соглашаются на то, чтобы работодатель нанимал и «потреблял» определённое количество рабочей силы, они стремятся обеспечить более или менее прямую связь этого количества с получаемой ими заработной платой. Даже среди самых несознательных, среди тех, кто терпит гнёт работодателя, не подвергая сомнению его обоснованность, интуитивно возникает идея сопротивления капиталистическим притязаниям: они склонны не тратиться, не подсчитав затрат.

Работодатели не преминули отметить эту тенденцию рабочих экономить свою «рабочую силу». Именно поэтому некоторые из них умело парировали наносимый этим вред, прибегая

к конкуренции, чтобы заставить своих сотрудников забыть об этой ограничительной осмотрительности.

Так, строительные подрядчики, особенно в Париже, популяризировали практику, которая, кстати, начала выходить из употребления с 1906 года, то есть с тех пор, как рабочие корпорации объединились во влиятельные профсоюзы.

Эта практика заключается в найме «сильного человека», который на строительной площадке задаёт тон своим товарищам. Он «вкладывает» больше, чем кто-либо другой... и его необходимо поддерживать, иначе опоздавшие рискуют оказаться в центре внимания и быть уволенными как некомпетентные.

Такой подход ясно показывает, что эти подрядчики рассуждают о рабочих так же, как при заключении договора на приобретение машины. Подобно тому, как они приобретают машину с присущей ей производительной функцией [4], они рассматривают рабочего лишь как орудие производства, которое они претендуют приобрести целиком на определённый период времени, в то время как на самом деле они заключают с ним договор лишь на функцию его организма, которая выражается в реальном труде. Этот диссонанс, лежащий в основе отношений между работодателями и рабочими, выявляет фундаментальное противоречие интересов: борьбу класса, владеющего средствами производства, с классом, который, лишённый капитала, не имеет иного богатства, кроме своей рабочей силы.

Как только работники и работодатели вступают в экономический контакт, этот непримиримый антагонизм обнаруживается, раздвигая их на противоположные полюса и, следовательно, делая их соглашения нестабильными и эфемерными.

Между двумя сторонами, по сути, договор никогда не может быть заключён в точном и справедливом смысле этого слова. Договор подразумевает равенство договаривающихся сторон, их полную свободу действий, и, кроме того, одной из его характеристик является представление реального и личного интереса для всех его подписавших, как в настоящем, так и в будущем.

Однако, когда работник предлагает свой труд начальнику, две «договаривающиеся стороны» находятся далеко не в равных условиях. Работник, одержимый необходимостью обеспечить своё будущее, даже если он не страдает от голода, не имеет той безмятежной свободы действий, которой пользуется его работодатель. Более того, выгода, которую он извлекает из своего трудового договора, носит временный характер, поскольку, хотя он и находит там средства к существованию, нередко риск, связанный с работой, которой он подвергается, ставит под угрозу его здоровье и будущее.

Следовательно, между начальниками и работниками не могут быть заключены никакие обязательства, заслуживающие описания договоров. То, что обычно называют «трудовым договором», не обладает специфическими двусторонними характеристиками договора; это, строго говоря, односторонний договор, выгодный только одной из договаривающихся сторон, – обременительный договор.

Из этих наблюдений следует, что на рынке труда существуют только воюющие стороны, находящиеся в постоянном конфликте; Следовательно, все отношения, все соглашения между двумя сторонами могут быть лишь непрочными, поскольку они изначально порочны и основаны лишь на большей или меньшей силе и сопротивлении противников. Именно поэтому между работодателями и рабочими никогда не заключается – и не может быть заключено – прочное соглашение, контракт в лояльном смысле этого слова: между ними существуют лишь перемирия, которые, на время приостанавливая военные действия, вносят временное затишье в военные действия. Это два яростно сталкивающихся мира: мир капитала и мир труда. Конечно, возможно – и происходит – проникновение одного в другой; благодаря своего рода социальной капиллярности перебежчики переходят из мира труда в мир капитала и, забывая или отрицая своё происхождение, занимают место среди самых стойких защитников своей принятой касты. Но эти колебания в составе противоборствующих армий не отменяют антагонизма между двумя классами.

С обеих сторон интересы диаметрально противоположны, и эта противоположность проявляется во всём, что составляет ткань бытия. За демократическими декламациями, за лживым языком равенства самый поверхностный взгляд обнаруживает глубокие различия, разделяющие буржуазию и пролетариев: социальные условия, образ жизни, образ мышления, стремления, идеалы... всё! Всё различно!

Классовая мораль

Понятно, что из радикального различия, которое мы только что наблюдали, сохраняющегося между рабочим классом и классом буржуазии, возникла бы особая мораль.

Было бы, по меньшей мере, странно, если бы между пролетарием и капиталистом не было ничего общего, кроме морали.

Как! Действия эксплуатируемого должны оцениваться и судиться по критерию его классового врага?

Это было бы просто абсурдно!

В действительности, подобно тому, как в обществе существуют два класса, существуют и две морали — капиталистов и пролетариев.

Естественная, или зоологическая, мораль, пишет Макс Нордау, провозгласила бы отдых высшей заслугой и считала бы труд желанным и славным для человека лишь в том случае, если он необходим и необходим для его материального существования. Но эксплуататоры не находят в этом никакой выгоды. Их интересы, по сути, требуют, чтобы массы работали больше, чем им необходимо, и производили больше, чем требуется для их собственных нужд. Именно потому, что они хотят захватить прибавочный продукт; с этой целью они упразднили естественную мораль и изобрели другую, которую установили их философы, восхваляли их проповедники и воспевали их поэты: мораль, согласно которой праздность — источник всех пороков, а труд — добродетель, высшая из всех добродетелей...

Излишне говорить, что эта мораль предназначена исключительно для пролетариата, и богачи, которые её отстаивают, стараются ей не подчиняться: праздность — порок только для бедняков.

Именно во имя предписаний этой особой морали рабочие должны усердно и неустанно трудиться на благо своих хозяев, и любое ослабление с их стороны производственных усилий, всё, что может уменьшить прибыль, ожидаемую эксплуататором, считается безнравственным поступком.

С другой стороны, именно благодаря этой классовой морали прославляются преданность интересам хозяев, усердие в самых рутинных и малоодоходных работах, глупые щепетильности, создающие «честного рабочего», — словом, все идеологические и сентиментальные цепи, приковывающие наёмного рабочего к оковам капитала лучше и надёжнее, чем кованые железные цепи.

Чтобы довершить дело порабощения, апеллируют к человеческому тщеславию: все качества хорошего раба превозносятся, возвеличиваются, и даже задумывалось о том, чтобы

наградить – медаль за выслугу лет! – рабочих-пуделей, отличившихся гибкостью позвоночника, самоотречением и преданностью хозяину.

Таким образом, рабочий класс до предела пропитан этой порочной моралью.

От рождения и до смерти пролетарий погряз в ней: он питается этой моралью вместе с более или менее разбавленным молоком из бутылочки, которая слишком часто заменяет ему материнскую грудь; позднее, «мирским» путём, она вливается ему снова, в искусной дозировке, и оплодотворение продолжается тысячью и одним способом, пока, лёжа в общей могиле, он не уснёт вечным сном.

В результате опьянение этой моралью настолько глубоко и стойко, что люди с тонким умом, ясным и острым мышлением, тем не менее, остаются заражёнными ею. Таков случай гражданина Жореса, который, осуждая саботаж, прибегнул к этой этике, созданной для нужд капиталистов. 11 мая 1907 года в парламенте на открытом обсуждении профсоюзного движения он заявил:

«Ах! Если речь идёт о систематической, методичной пропаганде саботажа, рискуя быть обвинённым вами в оптимизме, в котором есть некоторая доля самоуспокоенности для нас самих, то я не боюсь, что это зайдёт слишком далеко. Это противно всей природе и всем наклонностям рабочего...»

И он решительно настаивал:

«Саботаж, утверждал он, противоречит технической ценности рабочего. Техническая ценность рабочего — это его истинное богатство; именно поэтому теоретик и метафизик синдикализма Сорель заявляет, что, даже если бы синдикализму были предоставлены все возможные средства, есть одно, которое он должен себе запретить: то, которое рискует обесценить, унижить в рабочем эту профессиональную ценность, которая не только является его непрочным богатством сегодня, но и его правом на суверенитет в мире завтрашнем...»

Утверждения Жореса, даже под эгидой Сореля, — всё, чего только можно пожелать, — даже метафизические, — если не считать наблюдения экономической реальности.

Где же он встречал рабочих, чья «вся природа и все их наклонности» побуждали их отдавать все свои физические и умственные силы хозяину, несмотря на ничтожные, ничтожные или отвратительные условия, которые тот им навязывает?

С другой стороны, как же может быть поставлена под угрозу «техническая ценность» этих проблемных рабочих, ведь, как только они осознают бесстыдную эксплуатацию, которой подвергаются, они сразу же попытаются от неё избавиться, не соглашаясь больше подвергать свои мышцы и мозги бесконечному утомлению исключительно ради прибыли хозяина?

Зачем этим рабочим растрчивать эту «техническую ценность», составляющую их «истинное богатство» — по словам Жореса, — и почему они отдают её почти даром капиталисту? Разве не логичнее, что, вместо того чтобы жертвовать собой, подобно блеющим ягнятам на алтаре хозяев, они защищаются, борются и оценивают свою «техническую ценность» по максимально возможной цене, уступая своё «истинное богатство» лишь при наилучших или наименее суровых условиях?

Оратор-социалист не даёт ответов на эти вопросы, не исследовав проблему глубоко. Он ограничился сентиментальными утверждениями, вдохновлёнными моралью эксплуататоров, которые представляют собой не более чем перепев придирки экономистов, критикующих французских рабочих за их требования и забастовки, обвиняя их в угрозе национальной промышленности.

Рассуждения гражданина Жореса, по сути, того же порядка, с той разницей, что вместо того, чтобы задеть патриотические струны, он пытается возвысить и возбудить чувство чести, тщеславия и самовозвеличивания пролетария.

Его тезис приводит к формальному отрицанию классовой борьбы, поскольку не учитывает перманентного состояния войны между капиталом и трудом.

Ну, простой здравый смысл подсказывает, что, поскольку хозяин — враг, для рабочего не будет большей нелояльностью устраивать засады против своего противника, чем сражаться с ним лицом к лицу.

Следовательно, ни один из аргументов, заимствованных из буржуазной морали, не годится для оценки саботажа или любой другой пролетарской тактики; точно так же ни один из этих аргументов не годится для оценки поступков, действий, мыслей или стремлений рабочего класса.

Если мы хотим здраво рассуждать по всем этим вопросам, мы должны ссылаться не на капиталистическую мораль, а черпать вдохновение из морали производителей, которая ежедневно развивается в трудящихся массах и призвана возрождать общественные отношения, ибо именно она будет регулировать отношения в мире завтрашнего дня.

Методы саботажа

На поле битвы рынка труда, где воюющие стороны сталкиваются без зазрения совести и рассуждений, как мы видели, они далеко не равны.

Капиталист противопоставляет золотые доспехи ударам своего противника, который, зная о своей неполноценности в обороне и наступлении, пытается компенсировать её, прибегая к военным уловкам. Рабочий, не в силах приблизиться к противнику лицом к лицу, стремится обойти его с фланга, атакуя его в его живом творении: сейфе.

Пролетарии в таком случае подобны народу, который, желая противостоять иностранному вторжению и не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы противостоять врагу в решительном наступлении, развязывает войну из засад и партизанскую войну. Это неприятная борьба для большого армейского корпуса, борьба настолько ужасающая и смертоносная, что захватчики зачастую отказываются признавать снайперов воюющей стороной.

Это отвращение регулярных армий к партизанам не должно удивлять нас больше, чем ужас, который саботаж внушает капиталистам.

Это происходит потому, что саботаж для социальной войны — то же, что партизанская война для национальных войн: он проистекает из тех же чувств, отвечает тем же потребностям и имеет те же последствия для менталитета рабочего класса.

Мы знаем, насколько партизанская война развивает личное мужество, отвагу и решительность; то же самое можно сказать и о саботаже: он держит рабочих в тонусе, не даёт им погрязнуть в пагубной трусости, и, поскольку требует постоянных и неустанных действий, даёт счастливый результат: развивает дух инициативы, приучает рабочих к самостоятельным действиям и стимулирует боеспособность.

Рабочий крайне нуждается в этих качествах, потому что хозяин относится к ним так же бесцеремонно, как к вторгающимся армиям, действующим в завоёванных странах: он грабит, сколько может!

Миллиардер Рокфеллер осуждал эту капиталистическую алчность... и, скорее всего, даже бесстыдно её практикует.

Вина некоторых работодателей, писал он, заключается в том, что они не платят ровно столько, сколько должны; тогда рабочий склонен ограничивать свой труд.

Эта тенденция к ограничению труда, которую отмечает Рокфеллер, — ограничение, которое он узаконивает и оправдывает, обвиняя начальство, — есть саботаж в той форме, которая спонтанно возникает в сознании каждого рабочего: «замедление работы».

Это, можно сказать, инстинктивная и первичная форма саботажа.

Именно к нему решили прибегнуть сто рабочих в Бифорде, штат Индиана, США (это было в 1908 году), узнав о снижении заработной платы на дюжину центов в час. Не говоря ни слова, они отправились на ближайшую фабрику, где им укоротили лопаты на два с половиной дюйма.

После этого они вернулись на стройку и ответили хозяину: «Малой зарплате – маленькая лопата!»

Подобный саботаж возможен только для рабочих, получающих подённую оплату. Совершенно очевидно, что те, кто работает поштучно, находятся в состоянии пассивного бунта, поскольку саботируют собственную зарплату. Поэтому им приходится прибегать к другим средствам, стремясь снизить качество, а не количество производимой продукции.

В «Бюллетене биржи труда Монпелье» был представлен обзор этих средств в статье, опубликованной в начале 1900 года, за несколько недель до Конгресса Конфедерации в Париже:

«Если вы механик, говорилось в статье, вам очень легко заклинить свой станок двумя су любого порошка или даже просто песка, заставив работодателя потратить время и сделать дорогостоящий ремонт. Если вы плотник или краснодеревщик, что может быть проще, чем незаметно испортить мебель, тем самым лишив владельца возможности потерять клиентов? Портной может легко испортить костюм или отрез ткани; торговец безделушками, умело накладывая на ткань несколько пятен, продаёт её по низкой цене; подручный бакалейщика, плохо упаковывая, портит товар; кто угодно виноват, а владелец теряет покупателя. Торговец шерстью, галантерейными изделиями и т. п., пролив несколько капель едкого вещества на упаковываемый товар, вызывает недовольство покупателя; последний возвращает посылку и сердится: ему говорят, что она прибыла по пути... Результат, часто, потеря покупателя. Земледелец время от времени наносит хороший неуклюжий удар киркой, то есть умело, или сеет плохие семена посреди поля и т. д.

Как указано выше, методы саботажа бесконечно разнообразны. Однако, какими бы они ни были, есть одно качество, которого требуют от них рабочие активисты: чтобы их применение не оказывало негативного влияния на потребителя.

Саботаж нападает на хозяина, либо замедляя работу, либо делая произведённую продукцию непригодной к продаже, либо парализуя или выводя из строя средства производства. Однако потребитель не должен страдать от этой войны, ведущейся против эксплуататора.

Примером эффективности саботажа является его методичное применение парижскими парикмахерами:

Привыкнув к потиранию голов, они решили распространить систему мытья головы на витрины своих хозяев. До такой степени, что для хозяев парикмахерских страх перед «побелкой» стал самым убедительным из всех санкций.

Именно благодаря побелке, практиковавшейся преимущественно с 1902 по май 1906 года, парикмахеры добились закрытия салонов в более позднее время, и именно страх перед побелкой позволил им очень быстро (до принятия закона о еженедельном отдыхе) добиться повсеместного закрытия магазинов один день в неделю.

Вот в чём суть побелки: в любую ёмкость, например, в ранее опорожнённое яйцо, «побелщик» помещает едкое вещество; затем, в нужный момент, он выливает и ёмкость, и её содержимое на витрину несговорчивого владельца.

Этот «шампунь» портит краску на стене, и владелец, воспользовавшись полученным уроком, становится более сговорчивым.

В Париже около 2300 парикмахерских, из которых во время кампании по побелке не менее 2000 были побелены один раз... если не несколько. «L'Ouvrier coiffeur», профсоюзный орган Федерации парикмахеров, оценил финансовые потери работодателей от процесса отбеливания волос примерно в 200 000 франков.

Парикмахеры в восторге от своего метода и ни за что не собираются от него отказываться. Он, по их словам, доказал свою эффективность и придаёт ему моральную ценность, которая, по их мнению, превосходит любые правовые санкции.

Поэтому отбеливание волос, как и все хорошие методы саботажа, наносит урон казне работодателей, и клиентам нечего бояться.

Рабочие активисты всячески подчёркивают специфику саботажа, заключающуюся в том, чтобы ударить по хозяину, а не по потребителю. Однако им необходимо преодолеть предвзятость капиталистической прессы, которая намеренно искажает их тезис, представляя саботаж как нечто опасное, прежде всего для потребителей.

Мы не забыли волнения, вызванные несколько лет назад ежедневной газетной сплетнёй о хлебе с битым стеклом. Профсоюзные деятели изо всех сил старались заявить, что добавлять битое стекло в хлеб – отвратительное деяние, глупое преступление, и что рабочие пекарен никогда не допускали такой мысли. Однако, несмотря на опровержения и опровержения, ложь распространилась, была перепечатана и, естественно, возмутила многих против рабочих пекарен, для которых то, что печатают их газеты, – истина в последней инстанции.

На самом деле, до сих пор во время различных забастовок пекарей наблюдаемый саботаж ограничивался повреждением цехов, тестомесильных машин и печей хозяев. Что касается хлеба, то если выпекался несъедобный хлеб – подгоревший или невыпеченный, несолёный или пресный и т. д., но, напомним, никогда не приготовленный из битого стекла! – то страдали и не могли страдать потребители, а только хозяева.

Можно было бы предположить, что покупатели настолько глупы... настолько, что едят сено!... что вместо хлеба они принимают неудобоваримую или тошнотворную смесь. Если бы дело дошло до этого, они, очевидно, вернули бы этот испорченный хлеб поставщику и потребовали бы вместо него съедобный продукт.

Следовательно, использование дроблёного стеклянного хлеба следует рассматривать лишь как капиталистический аргумент, призванный дискредитировать требования рабочих пекарен.

То же самое можно сказать и о «бредне», раздутом в 1907 году ежедневной газетой, специализировавшейся на подстрекательстве к профсоюзному движению, которая сообщила, что фармацевт, склонный к саботажу, только что заменил безобидные лекарства, прописанные для приготовления таблеток, стрихнином и другими сильнодействующими ядами.

Профсоюз фармацевтов справедливо выразил протест против этой истории, которая была не чем иным, как ложью, причём возмутительной, и совершенно справедливо.

На самом деле, если бы фармацевт намеревался совершить саботаж, ему бы и в голову не пришло отравлять больных... что, сведя их в могилу, привело бы его к суду и не причинило бы серьёзного вреда его начальнику.

Конечно, саботажник, занимающийся «потардом», действовал бы иначе. Он ограничился бы расточительством фармацевтических препаратов и их щедрым распределением; он всё равно мог бы использовать чистые, но очень дорогие препараты для рецептов вместо широко распространённых фальсификатов.

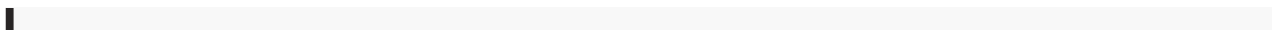
В последнем случае он бы освободился от ответственности за соучастие... от участия в саботаже работодателя – преступном, то есть! – который заключается в выдаче низкокачественных препаратов, практически не дающих эффекта, вместо чистых, прописанных врачом.

Нет необходимости далее останавливаться на том факте, что фармацевтический саботаж может быть полезен пациенту, но никогда – никогда! – не может быть вреден.

Более того, именно через схожие результаты, выгодные для потребителей, рабочий саботаж проявляется во многих корпорациях, в том числе в пищевой промышленности.

И если о чём-то и стоит сожалеть, так это о том, что саботаж не укоренился глубже в обычаях нашего рабочего класса. Действительно, печально отмечать, что слишком часто рабочие ассоциируют себя с самыми отвратительными нарушениями, принимая на себя ответственность за действия, которые Кодекс может и оправдывать, но которые, тем не менее, являются преступлениями.

В обращении к парижскому населению, основные положения которого приведены ниже, с которым в 1908 году выступил Профсоюз поваров, говорится об этом больше, чем во многих комментариях:

1 июня шеф-повар, придя тем же утром в популярный ресторан, заметил, что мясо, порученное ему, настолько испортилось, что подавать его было бы опасно для посетителей. Он сообщил об этом владельцу, который потребовал, чтобы его всё равно подали. Работник, возмущённый требуемой от него работой, отказался быть соучастником отравления клиентов.

Владелец, разгневанный этой нескромной лояльностью, отомстил, уволив его и донес на него в профсоюз работодателей популярных ресторанов «La Parisienne», чтобы помешать ему найти новую работу. До сих пор этот инцидент раскрывает лишь индивидуальный и подлый поступок владельца и акт совести работника; но остальная часть дела, как мы увидим, обнаруживает такую скандальную и опасную солидарность работодателей, что мы считаем себя обязанными разоблачить её:

Когда работник обратился в агентство по трудоустройству профсоюза работодателей, тот сказал ему, что это не его дело, испорчена еда или нет, и что он не несёт за это ответственности; что, пока ему платят зарплату, он должен лишь подчиняться, что его действия неприемлемы, и что отныне ему больше не нужно полагаться на их кадровое агентство в вопросах трудоустройства.

Умереть с голоду или, если необходимо, стать соучастником отравления: вот дилемма, поставленная перед рабочими этим профсоюзом работодателей.

Более того, эти формулировки устанавливают, что этот профсоюз, отнюдь не осуждая продажу испорченных продуктов, покрывает и защищает эти действия и с ненавистью преследует тех, кто мешает им мирно отравлять!

Этот беспринципный ресторатор, подающий своим клиентам гнилое мясо, конечно, не единственный в Париже. Однако мало кто из поваров осмеливается последовать его примеру.

К сожалению, из-за чрезмерной добросовестности эти работники рискуют лишиться средств к существованию — или даже попасть под бойкот! Именно эти соображения кружат голову многим, сковывают волю многим и останавливают множество бунтов.

И именно поэтому так мало людей знают о тайнах ресторанов, будь то популярных или аристократических.

Однако потребителям было бы полезно знать, что огромные говяжьи туши, выставленные сегодня в витрине ресторана, который они часто посещают, — это аппетитное мясо, которое завтра будет отправлено на тележке и нарезано в Les Halles... а в самом ресторане будут продавать сомнительное мясо.

Гостю также будет полезно знать, что суп-биск из раков, который он ест, приготовлен из панцирей омаров, оставленных на тарелке вчера – им или кем-то другим. Панцири тщательно очищаются от остатков мякоти, которую, измельчая в ступке, тщательно

разбавляют кули, подкрашенным розовым кармином.

Также стоит знать: филе бриля «делается» из морского черта или трески; филе оленины – это «нарезанная» говядина, приправленная острым маринадом; чтобы удалить «затхлый» привкус птицы и «омолодить» её, по внутренней стороне проводят раскалённый утюг.

И всё же, всё ресторанное оборудование: ложки, стаканы, вилки, тарелки и т. д. – протирается салфетками, которые посетители выбрасывают после еды – отсюда риск заразиться туберкулёзом... если не сказать, что получить травму!

Список был бы длинным – и каким тошнотворным! – если бы нам пришлось перечислять все «хитрости» и «инструменты» хищных и бесстыдных торговцев, которые, затаившись в углу своих лавок, не довольствуются простым ограблением покупателей, но слишком часто ещё и отравляют их.

Более того, недостаточно знать процедуры; нужно знать, какие «уважаемые» заведения привыкли к этой преступной практике. Поэтому, в интересах общественного здравоохранения, мы должны надеяться, что работники общественного питания раздуют раздутую репутацию своих начальников и предостерегут нас от этих преступников.

Заметим также, что для поваров существует и другой вид саботажа: превосходное приготовление блюд, со всеми необходимыми приправами и с должной тщательностью, требуемой кулинарным искусством; или, в ресторанах с порционным подходом, щедрость и властность на благо посетителей.

Из всего этого следует, что для работников кухни саботаж отождествляется с интересами клиентов, либо потому, что они считают себя идеальными шеф-поварами, либо потому, что посвящают нас в сомнительные тайны своих заведений.

Некоторые могут возразить, что в последнем случае повара не совершают саботаж, а подают пример честности и профессиональной преданности, достойный поощрения.

Пусть остерегаются! Они вступают на очень скользкий путь и рискуют скатиться в пропасть... то есть к формальному осуждению со стороны современного общества.

Действительно, фальсификация, изошрённость, обман, ложь, воровство и мошенничество — это основа капиталистического общества; искоренить их было бы равносильно его уничтожению... Не будем обманываться: в тот день, когда была бы предпринята попытка внедрить строгую лояльность и скрупулезную добросовестность в общественные отношения на всех уровнях и во всех сферах, ничто бы не устояло: ни промышленность, ни торговля, ни банковское дело... ничто! Ничего!

Очевидно, что для осуществления всех своих тёмных махинаций, которыми он занимается, хозяин не может действовать в одиночку; ему нужна помощь, сообщники... он находит их в своих рабочих, своих служащих. Логично, что, связывая своих служащих со своими манёврами, но не с прибылью, хозяин, в любой сфере деятельности, требует от них полного подчинения своим интересам и запрещает им оценивать и судить операции и действия

своего дома; если в них есть что-то мошенническое или даже преступное, это не их дело. «Они не несут ответственности... С момента получения зарплаты им остаётся только подчиняться...» — так весьма буржуазно заметил служащий упомянутой выше «Парижанки».

В силу подобных софизмов рабочий должен отбросить свою личность, подавить свои чувства и действовать бессознательно; любое неповиновение приказам, любое нарушение профессиональной тайны, любое разглашение практики, по крайней мере нечестной, которой он подвергается, представляет собой преступление с его стороны по отношению к работодателю.

Следовательно, если он отказывается слепо и пассивно подчиняться, если он осмеливается разоблачить подлость, с которой его связывают, он считается бунтующим против своего работодателя, ибо он совершает против него акты войны – он саботирует его!

Более того, эта точка зрения свойственна не только работодателям; профсоюзы также трактуют любое разглашение информации, наносящее ущерб интересам капитализма, как акт войны – как акт саботажа. Этот изобретательный способ борьбы с эксплуатацией человека даже получил особое название: «диверсия с открытым ртом».

Выражение не может быть более многозначительным. Действительно, несомненно, что многие состояния были сколочены только благодаря молчанию эксплуатируемых, которые участвовали в этом пиратстве, о пиратстве работодателей. Без их молчания эксплуататорам было бы трудно, если не невозможно, вести свой бизнес; если они преуспевали, если клиенты попадались на их уловки, если их прибыли росли как снежный ком, то это благодаря молчанию их сотрудников.

Что ж! Эти немые представители промышленного и торгового истеблишмента устали молчать. Они хотят говорить! И то, что они говорят, будет настолько серьёзным, что их разоблачения создадут вакуум вокруг их босса, и клиенты отвернутся от него...

Эта тактика саботажа, которая в своих безобидных и ненасильственных формах может быть столь же страшной для многих капиталистов, как и жестокое уничтожение ценного оборудования, становится всё более распространённой.

Поэтому к нему прибегают строители, которые сообщают архитектору или владельцу здания, строящему здание, о дефектах, допущенных в недавно построенном ими здании по заказу подрядчика и в его интересах: недостаточная толщина стен, использование некачественных материалов, отсутствие слоёв краски и т. д.

«Открытые рты» – это также когда работники метрополитена громко осуждают преступные строительные дефекты в туннелях;

«Открытые рты» – это также когда помощники продавцов бакалейных товаров, чтобы склонить к компромиссу компании, сопротивлявшиеся их требованиям, предупреждали домохозяек с помощью плакатов о хитростях и мошенничестве в этой сфере;

«Открытые рты» – это снова буфетные аптеки, борющиеся за закрытие в 21:00, обличающие преступный саботаж пациентов со стороны нерадивых начальников.

И к той же практике «открытых ртов» решили прибегнуть сотрудники банков и бирж. На общем собрании, состоявшемся в июле прошлого года, профсоюз, представляющий этих работников, принял повестку дня, угрожая начальству, если оно проигнорирует предъявленные требования, нарушить своё профессиональное молчание и раскрыть общественности всё, что творится в воровских притонах, которыми являются финансовые компании.

Возникает вопрос:

Что будут говорить с открытым ртом эти суетливые и придирчивые моралисты, осуждающие саботаж во имя морали?

К кому из них, к начальству или к работникам, будут обращены их анафемы?

К начальству, мошенникам, грабителям, отравителям и т.д., которые намерены ассоциировать своих работников со своим унижением, делая их соучастниками своих проступков и преступлений?

Или к работникам, которые, отказываясь от нечестности и подлости, которых требует от них эксплуататор, очищают свою совесть, предупреждая общественность или потребителей?

* * *

Мы только что рассмотрели методы саботажа, применяемые рабочим классом, не покидая стройплощадку или мастерскую; но саботаж не ограничивается этими ограниченными действиями; он может стать — и всё чаще становится — мощным подспорьем в случае забастовки.

Миллиардер Карнеги, «Железный король», писал:

« Ожидать, что человек, защищающий свою зарплату ради собственных жизненных нужд, будет спокойно наблюдать за тем, как его место займет другой человек, — значит ожидать слишком многого.

...и капиталисты среди них!

Это то, что профсоюзные деятели постоянно говорят, повторяют и провозглашают. Но, как известно, нет никого более глухого, чем те, кто не желает слушать... и капиталисты среди них!

Эта мысль миллиардера Карнеги, гражданина Буске, секретаря Парижского профсоюза пекарей, перефразированная в статье в газете La Voix du Peuple [5]:

█

Мы видим, писал он, что простого прекращения работы недостаточно для успеха забастовки. Для исхода конфликта необходимо, даже необходимо, чтобы оборудование – то есть средства производства фабрики, ткацкой фабрики, шахты, пекарни и т. д. – было сведено к забастовке, то есть к бездействию...

Ренегаты выходят на работу. Они находят машины и печи в хорошем состоянии – и это главная вина забастовщиков, которые, оставив средства производства в хорошем состоянии, оставили позади причину своих невыполненных требований...

Однако бастовать, оставляя машины и инструменты в хорошем состоянии, – пустая трата времени для эффективной борьбы. Более того, работодатели, имея в своем распоряжении ренегатов, армию и полицию, будут поддерживать машины в рабочем состоянии... и цель забастовки не будет достигнута.

Следовательно, первейшая обязанность перед забастовкой – обессилить орудия труда. Это азбука борьбы рабочих. Тогда условия игры между начальником и рабочим становятся равными, потому что тогда прекращение работы, которое реально, приводит к желаемой цели – прекращению жизни в буржуазном клане.

Желание забастовки в пищевой промышленности?... Несколько литров масла или другого жирного, пахучего вещества, разлитого по поду печи... И ренегаты или солдаты могут принести хлеб. Этот хлеб будет несъедобным, потому что плитка (как минимум на три месяца) сохранит запах материала и пропитает им хлеб. Результат: непригодная к использованию печь, подлежащая сносу.

Желание забастовки в металлургической промышленности?... Песок или наждак в шестерёнках этих машин, которые, подобно сказочным часам, отмечают эксплуатацию пролетариата; этот песок заставит эти машины скрипеть ещё громче, чем начальник или мастер, и железный колосс, рабочий, будет доведён до бессилия, как и ренегаты...

Это тот же самый тезис, который гражданин А. Рено, служащий Ouest-Etat, затронул в своей брошюре «Синдикализм в железных дорогах», тезис, который привел к его увольнению в сентябре прошлого года Следственным советом, который в данном случае действовал как военный трибунал:

“Для обеспечения успеха, пояснил Рено, в случае, если большинство железнодорожников не прекратят работу немедленно, необходимо, чтобы задача, определение которой здесь не имеет смысла, была выполнена одновременно во всех крупных центрах в момент объявления забастовки.

Для этого во всех группах и важных пунктах должны быть немедленно сформированы команды решительных товарищей, решивших любой ценой предотвратить движение поездов. Товарищей следует выбирать из числа профессионалов, из тех, кто, лучше всего зная внутреннюю работу службы, способен выявить уязвимые места, слабые места, наносить удары надежно, не причиняя бессмысленного ущерба, и своими эффективными, прямолинейными, умными и энергичными действиями одним махом вывести из строя на несколько дней оборудование, необходимое для работы службы и движения поездов. Над этим нужно серьезно подумать.

Мы должны считаться с штрейкбрехерами, с солдатами...

Эта тактика дублирования забастовки рабочих и рабочих машин может показаться продиктованной низменными и мелкими мотивами. Но это не так!

Сознательные рабочие знают, что они в меньшинстве, и опасаются, что их товарищам не хватит упорства и энергии, чтобы выстоять до конца. Поэтому, чтобы предотвратить дезертирство масс, они лишают их возможности отступить: перерезают за ними мосты.

Они добиваются этого, отбирая инструменты из рук рабочих, слишком покорных капиталистической власти, и парализуя работу машин, оплодотворённых их трудами. Таким образом, они избегают предательства подсознания и не позволяют им заключить союз с врагом, вернувшись к работе в неподходящее время.

Есть и другая причина для этой тактики: как отмечали граждане Буске и Рено, забастовщикам нужно бояться не только ренегатов; им следует также опасаться армии.

Действительно, среди капиталистов всё чаще встречается замена забастовщиков военным трудом. Таким образом, как только речь заходит о забастовке пекарей, электриков, железнодорожников и т.д., правительство разжигает забастовку и делает её бесполезной и бессмысленной, заменяя бастующих солдатами.

Дело дошло до того, что, например, для замены электриков правительство подготовило корпус инженерных солдат, обученных работе с электромашинами и работе с оборудованием, которые всегда готовы броситься на смену рабочим электропромышленности при первых признаках забастовки.

Поэтому совершенно очевидно, что если бастующие, знающие о намерениях правительства, не предпримут – до приостановки работ – мер по противодействию этому военному вмешательству, сделав его невозможным и неэффективным, они будут заранее побеждены.

Предвидя опасность, рабочие, готовые вступить в борьбу, не могли бы простить себя, если бы не подчинились. Они обязательно это сделают!

Но иногда их обвиняют в вандализме, а их неуважение к машинам осуждается. Эта критика была бы оправдана, если бы рабочие систематически стремились к разрушению, без какой-либо реальной цели. Но это не так! Если рабочие нападают на машины, то не ради

удовольствия или дилетантства, а потому, что их к этому вынуждает настоятельная необходимость.

Не следует забывать, что для них на кону вопрос жизни и смерти: если они не остановят машины, то обречены на поражение, на крушение своих надежд; если же они саботируют их, то у них есть большие шансы на успех, но, с другой стороны, они навлекают на себя буржуазное неодобрение и осыпаются оскорбительными эпитетами.

Учитывая поставленные на карту интересы, понятно, что они с лёгким сердцем встречают эти анафемы, и что страх быть оклеветанными капиталистами и их приспешниками не заставляет их отказываться от шансов на победу, которые им сулит остроумная и смелая инициатива.

Они находятся в ситуации, аналогичной той, в которой находится армия, вынужденная отступить и неохотно решающаяся уничтожить оружие и припасы, которые могли бы помешать её продвижению и попасть в руки противника. В данном случае такое уничтожение законно, тогда как в любых других обстоятельствах это было бы безумием.

Следовательно, нет причин винить рабочих, которые ради своего триумфа прибегают к саботажу, как и армию, которая ради спасения жертвует своими «импедиментами».

Следовательно, можно сделать вывод, что саботаж, как и любая тактика и оружие, оправдан: его применение обусловлено необходимостью и преследуемой целью.

Именно этой одержимости неотвратимой необходимостью и целью, которую необходимо достичь, несколько лет назад подчинились работники лионского трамвая. Чтобы сделать движение «автобусов» невозможным, используя ренегатов в качестве монтеров, они залили рельсы цементом.

То же самое можно сказать и о сотрудиках железной дороги Медок, которые бастовали в июле 1908 года: перед тем как приостановить работу, они позаботились о перерезке телеграфной линии, соединяющей станции, и когда компания попыталась организовать импровизированное сообщение, обнаружилось, что водозаборные клапаны локомотивов были откручены и спрятаны.

Следует оригинальная процедура, которая была применена в Филадельфии в большом меховом ателье в один из последних лет: перед уходом с работы Синдикат предложил закройщикам регулярно изменять размер своих «выкроек» на один дюйм в большую или меньшую сторону. Каждый рабочий следовал совету, подрезая или увеличивая свои «выкройки» по своему усмотрению...

Впоследствии, когда работа прекратилась, наняли «штрейкбрехеров», не переселяя бастующих. Эти штрейкбрехеры принялись за работу, и начался настоящий бардак! Резаки сокращали... и ни о чём не договорились! До такой степени, что, потеряв кучу денег, хозяин был вынужден снова нанять бастующих...

Все вернулись на свои рабочие места, и каждый более или менее исправил своих «хозяев».

Мы не забываем о колоссальной дезорганизации, вызванной забастовкой работников почты и телеграфа весной 1909 года. Эта забастовка поразила многих, сознательно слепых, избежавших наиболее выраженных социальных симптомов; они бы выразили меньшее удивление, если бы знали, что «Cri Postal», корпоративный орган субагентов Р.Т.Т., ещё в апреле 1907 года заявил:

« Вы говорите об ударах дубинкой, мы ответим на удары дубинкой... Чего вы никогда не сможете предотвратить, так это того, что однажды корреспонденты и телеграммы из Лилля отправятся гулять в Перпиньян. Чего вы никогда не сможете предотвратить, так это того, что телефонная связь внезапно прервётся, а телеграфное оборудование внезапно выйдет из строя. Чего вы никогда не сможете предотвратить, так это того, что десять тысяч сотрудников останутся на своих местах, но со скрещенными руками. Чего вы никогда не сможете предотвратить, так это того, что десять тысяч сотрудников в один и тот же день и одновременно подадут вам заявление об отпуске и немедленно законно прекратят работу. И чего вы никогда не сможете сделать, так это заменить их солдатами...

Можно привести множество других примеров. Но, поскольку это не трактат о саботаже, описание сложных и разнообразных методов, применяемых рабочими, выходит за рамки данной статьи. Те немногие, о которых мы только что упомянули, более чем достаточны для базового понимания природы саботажа.

Помимо описанных выше методов, существует еще один, получивший широкое распространение после провала второй забастовки почтовых работников, который можно назвать ответным саботажем.

После этой второй забастовки группы революционеров, чьи сети не были успешно расследованы полицией и прокуратурой, решили саботировать телеграфные и телефонные линии в знак протеста против массового увольнения нескольких сотен бастующих. Они заявили о своем намерении продолжать нападения на этих партизан нового образца до тех пор, пока уволенные за забастовку почтовые работники не будут восстановлены на работе.

В конфиденциальном циркуляре, разосланном по засекреченным адресам, полученным этими группами – или этой группой, – были указаны условия проведения этой кампании телеграфного саботажа.

« Товарищи, направившие вам это письмо, говорилось в циркуляре, знают вас, если вы их не знаете; извините их за отсутствие подписи. Они знают, что вы серьёзный революционер.

Они просят вас отключить телеграфные и телефонные линии, которые будут доступны вам в ночь с понедельника на вторник, 1 июня. В последующие ночи вы будете продолжать работу без дальнейших распоряжений, как

можно чаще.

Когда правительству надоест, оно восстановит на работе 650 уволенных почтовых работников.

Во второй части этого циркуляра содержалась подробная и техническая форма, описывающая различные способы перерезания проводов, позволяющие избежать поражения электрическим током. Также настоятельно рекомендовалось не прикасаться к сигнальным проводам и телеграфным проводам железнодорожных компаний. Во избежание ошибок в нём подробно разъяснялось, как различать провода компаний и провода государственных линий.

Повреждение телеграфных и телефонных проводов было значительным по всей Франции и продолжалось до падения министерства Клемансо.

С приходом к власти министерства Бриана наступило своего рода перемирие, военные действия против телеграфных линий были приостановлены, поскольку новые министры намекали на скорое восстановление в правах жертв забастовки.

С тех пор, при различных обстоятельствах, определённые группы, желая выразить протест против произвола власти, брали на себя инициативу начать эту войну с телеграфными и телефонными проводами. Ниже для информации приводится один из отчётов одной из наиболее активных групп, участвовавших в подобных операциях:

«Седьмой отчет тайной революционной группы района Жуанвиль и ее отделений:

Телеграфные и телефонные линии были перерезаны в знак протеста против произвольного ареста товарища Ингвейлера, секретаря профсоюза металлистов, скандальных судебных преследований, возбуждённых против стачечного комитета «Би-Метал», и приговоров, вынесенных 25 июля 1910 года.

Операции, проведённые тайным революционным комитетом региона Жуанвиль и комитетом Сены и Уазы с 8 по 28 июля 1910 года:

8-28 июля 1910 года	регион Монтессон, Ле-Везине, Пондю-Пек	78 строк
25 июля	Дорога Мелён — Монжерон	32 строки
25 июля	Дорога Корбей — Дравей	24 строки
28 июля	Линия Р.-L.-М. (Порт-де-Шарантон)	87 строк
Всего		221 строка
Перенос из 6 предыдущих отчётов		574 строки
Всего		795 строк

До сих пор мы рассматривали саботаж лишь как средство защиты, используемое пролетариатом против власти. Он также может стать средством защиты общества от государства или крупных корпораций.

Государство – честь там, где честь достойна! – уже пострадало от него. Мы знаем, как беззащитно оно эксплуатирует подчинённые ему общественные службы. Мы также знаем, что пассажирам западных линий приходится хуже всех. Поэтому не раз их охватывал ветер гнева, а затем, в порыве бунта, происходило слияние классов против проклятого государства.

Мы стали свидетелями жестокого саботажа на вокзале Сен-Лазар... но это был лишь импульсивный и мимолетный жест гнева. В конце августа прошлого года был создан профсоюз «защиты интересов пассажиров», который с самого начала, убежденный в бесполезности законных средств, (на собрании в Уйе) подтвердил свою готовность прибегнуть ко всем «возможным и мыслимым» средствам для достижения удовлетворения и высказался в пользу активного саботажа оборудования. Это доказательство того, что саботаж набирает силу!

Обструкционизм

Обструкционизм — это метод саботажа, обратный методу, заключающемуся в скрупулезном применении правил и выполнении порученной каждому человеку работы с осмотрительной медлительностью и преувеличенной тщательностью.

Этот метод применяется, в частности, в германских странах, и одно из первых и наиболее важных применений было сделано в 1905 году в Италии железнодорожниками.

Нет необходимости останавливаться на том факте, что, особенно в отношении железнодорожных перевозок, циркуляры и правила дублируют друг друга; нетрудно представить, какой хаос может вызвать их скрупулезное и строгое применение в работе.

Расточительство и дезорганизация в Италии во время обструкции «Ферровери» были фантастическими и ужасающими. Фактически, железнодорожное движение было практически остановлено.

Воспоминания об этом периоде пассивного сопротивления раскроют всю изобретательность этой тактики борьбы рабочих. Репортёры, столкнувшиеся с обструкцией, рассказали нам об этом, и их рассказы обладают особым колоритом, которого не хватило бы для теоретического разоблачения. Итак, предоставим им слово:

«Правила требуют, чтобы билетная касса открывалась за тридцать минут до отправления поезда и закрывалась за пять минут. Итак, кассы открываются. Толпа проталкивается вперёд и начинает проявлять нетерпение. Мужчина предлагает 10-франковую купюру для оплаты билета за 4,50 франка. Сотрудник зачитывает ему статью, требующую от пассажиров иметь при себе собственные деньги, отсчитав их до сантимов. Ему следует пойти и получить сдачу. Инцидент повторяется с восемью из десяти пассажиров. Вопреки всем правилам, сдача не выдаётся, даже если это один франк. Через двадцать пять минут едва тридцать человек успели взять билеты. Остальные, запыхавшись, приходят со сдачей. Но касса закрыта, потому что установленный законом срок истёк.

Однако не думайте, что тех, кто успел купить билеты, не стоит жалеть. Их беды только начинаются. Они в поезде, но он ещё не отправляется. Ему приходится ждать прибытия других поездов, других сломавшихся поездов в пятистах метрах от станции. Потому что, согласно правилам, там проводились манёвры, которые привели к бесконечной стоянке. Нетерпеливые пассажиры даже вышли, чтобы пройти до станции пешком, но проводники остановили их и составили протокол.

Более того, в поезде, который должен был отправиться, нужно следить за трубами отопления, и тщательный осмотр может длиться до двух часов. Наконец, поезд трогается. Мы вздыхаем с облегчением. Думаем, что доехали до конечной станции. Иллюзия!

На первой станции проводник осматривает все вагоны и даёт соответствующие указания. В частности, проверяется, плотно ли закрыты все двери. Нам следует остановиться на минутку; нам нужно подождать не менее пятнадцати минут...

Эти инциденты, произошедшие в первый день, в Риме и почти повсюду, дают лишь неполную картину ситуации. С маневровыми работами на станциях и формированием грузовых поездов всё было гораздо сложнее.

И всё это перемежалось инцидентами, как гротескными, так и радостными, достаточными, чтобы заставить жителей Сапека замереть от восторга.

В Милане поезд с трудом сформировался после полутора часов работы. Проходивший мимо мастер увидел прямо посередине один из тех старых и ужасных вагонов, которые компании из жадности настояли на эксплуатации. «Вагон неисправен», — произнёс он. И вагон пришлось немедленно отцепить, а поезд перестроить.

В Риме пожарному пришлось вернуть свой паровоз в депо. Но он заметил, что три регулировочных фонаря не установлены позади тендера. Поэтому он отказывается двигаться с места. Тогда они идут за фонарями; Но в депо отказываются их выдать, требуя письменную записку от начальника станции. Инцидент длится полчаса.

Пассажир приходит в кассу с льготным билетом. Когда пришло время прокомпостировать его, сотрудник спрашивает:

— Вы действительно господин такой-то, чьё имя указано в билете?

— Конечно.

— У вас есть документы, удостоверяющие вашу личность?

— Нет, у меня их нет.

— Тогда будьте любезны найти двух свидетелей, которые могут подтвердить вашу личность...

Всё ещё в кассе: депутат парламента представляется.

— А! Вы достопочтенный Х...?

— Именно.

— Ваша медаль?

— Вот она.

— Пожалуйста, дайте мне вашу подпись.

— С удовольствием. Чернильницу.

— К сожалению, у меня её нет.

— Тогда как я могу расписаться?

И кассир, спокойный и невозмутимый, ответил:

— Кажется, в буфете...

Корреспондент крупной парижской газеты вспоминал тогда своё бурлескное путешествие в эпоху обструкции:

Я сам заказал машину и прибыл на вокзал Термини (в Риме), куда прибыл как раз к отправлению поезда Чивита Веккья — Генуя — Турин — Модане. Я явился в кассу, вход был бесплатный.

«Я ещё успею на генуэзский поезд?» — спросил я контролёра.

Он с удивлением посмотрел на меня, а затем спокойно ответил, декламируя по слогам:

«Конечно, генуэзский поезд ещё не ушёл».

«Дайте мне обратный билет до Чивита Веккья», — сказал я, передавая ему заранее пересчитанную сдачу.

Кондуктор взял у меня сдачу, тщательно осмотрел каждую монету, каждый пенни, одну за другой; он ощупал их, позвенел ими, чтобы проверить, — всё так медленно, что я воскликнул ему, изображая нетерпение:

«Но из-за вас я опоздаю на поезд!»

«Ба! Ваш поезд ещё не ушёл...»

«Что! Что!» — сказал я.

«Да... Говорят, с автоматом что-то не так».

«Ну!» Мы разменяем!

— «Кто это?»

Я оставляю этого бесстрастного человека и направляюсь на платформу, которая выглядит необычно. Больше нет лихорадочной суеты почтальонов и служащих; они разбились на небольшие группы, спокойно переговариваясь между собой, в то время как пассажиры расхаживают взад-вперед перед открытыми дверями поезда. Везде царит тишина маленькой провинциальной станции.

Я подхожу к вагону первого класса. Около дюжины рабочих полируют латунные ручки, моют окна, открывают и закрывают двери, проверяя их исправность, вытирают пыль с подушек, проверяют водопроводные краны и выключатели. Настоящее безумие чистоты, неслыханное на итальянских железных дорогах! Прошло восемь минут, а вагон всё ещё не готов.

«Dio mio!» — вдруг восклицает один из рабочих. «На ручках этой двери ржавчина!» И он с невиданным рвением оттирает ржавчину.

«Ты что, все вагоны так будешь мыть?» — спрашиваю я его.

«Все!» Этот добросовестный человек отвечает басом: «И ещё пятнадцать нужно почистить!»

Однако локомотива ещё нет. Я спрашиваю. Покладистый сотрудник уверяет меня, что машинист прибыл в депо в назначенное время, но долго готовил локомотив, потому что ему нужно было взвесить мешки с углём, пересчитать по одному кирпичу ДСП и, наконец, из-за беспокойства за часть оборудования, ему пришлось попросить своего начальника прийти и поговорить с ним – как положено по инструкции!

Я становлюсь свидетелем такого разговора между заместителем начальника станции и кондуктором:

«Послушайте, – говорит заместителем начальника станции, – вы прекрасно знаете, что если вы будете настаивать на формировании поезда по инструкции, мы не уйдём».

«Извините, начальник, – спокойно отвечает другой. – Во-первых, нужно обеспечить соблюдение статьи 293, которая предписывает чередовать вагоны с жёсткими буферами с вагонами с пружинными буферами. Затем необходимо перестроить весь состав, поскольку ни один из буферов не совпадает в точности с противоположным, как предписано в статье 236, пункт А. В некоторых вагонах частично отсутствуют предохранительные цепи, поэтому их необходимо отремонтировать, как предписано в статье 326, пункт Б. Более того, состав не формируется, как предписано, потому что вагоны для...»

"Вы совершенно правы, — восклицает помощник начальника станции. — Но на всё это уходит целый день!"

"Это совершенно верно, — насмешливо вздыхает машинист. — Но какое вам до этого дело? В пути вся ответственность ложится на меня." Поэтому я настаиваю на соблюдении правил..."

Наконец, раздаётся свисток, возвещающий о начале движения локомотива, останавливающегося на каждой стрелке для продолжительного обсуждения между

машинистом и сигнальщиком. Прибыв на путь, где стоит наш поезд, машинист ещё раз осторожно останавливается: прежде чем ехать дальше и подойти к голове состава, он хочет убедиться, в порядке ли тормоза вагонов, нет ли на крышах фонарщиков или других агентов... Авария происходит так быстро! Наконец, машинист объявляет себя удовлетворённым и пригоняет свой локомотив к причалу.

Мы отправляемся?... Ну же! Манометр должен показывать 5 градусов, а он показывает 4. Обычно мы всё равно уезжаем, и давление в пути растёт. Но правила требуют 5 градусов при старте, и наш машинист ни за что на свете не ушёл бы сегодня при 4,5 десятых.

Мы наконец-то отправились в путь с полуторачасовым опозданием. Мы покидаем вокзал с разумной неторопливостью, свистя на каждом шагу, проезжаем мимо шести сломанных поездов в двух километрах от Рима, пассажиры которых неистовствуют и бушуют, и... вот мы под надзором проводников, которые тратят своё время на то, чтобы заставить пассажиров подписать пропуска, полупропуска и круговые билеты.

Тем временем, первая станция. Пассажиры садятся. Сотрудники медленно проверяют, заперты ли все двери, открывая и закрывая их. Ещё десять минут пролетели впустую. Несмотря ни на что, начальник станции свистит к отправлению.

— «Момент!» — кричит ему кондуктор. «Момент!»

— «Что такое?» — спрашивает начальник станции.

— «Я закрою окно вон в том купе, как предписано статьёй 676 правил».

И он делает, как велено!

Мы снова отправляемся в путь... На следующей станции — новая драма.

Нам нужно забрать посылки, девять сундуков и пять чемоданов, которые кондуктор настаивает на проверке перед тем, как пропустить, — как того требует статья 739 правил. И вот мы наконец прибываем в Чивита-Веккья в 00:40, почти на три часа позже, хотя обычно поездка занимает два часа...

Вот что такое обструкционизм: доведенное до абсурда соблюдение и применение правил; выполнение поставленных задач с чрезмерной тщательностью и не менее чрезмерной медлительностью.

В связи с этим стоит рассмотреть оценку этой тактики борьбы, данную Международным конгрессом транспортных рабочих, состоявшимся в Милане в июне 1906 года. Докладчиком выступил австрийский делегат, гражданин Томшик:

█

Очень сложно сказать, заявил он: Конгресс рекомендует железнодорожникам объявить забастовку или прибегнуть к пассивному сопротивлению. Например, то, что хорошо и возможно в Австрии, может быть плохо и невозможно осуществить в других странах...

Что касается пассивного сопротивления: оно старое, применялось уже в 1895 году. Итальянские товарищи использовали пассивное сопротивление крайне неуклюже, распространив его и на пассажирские поезда. Тем самым они подстрекали население, и это было совершенно бесполезно, поскольку пассажирские перевозки — не самая важная часть торговли, а лишь второстепенная. Для железных дорог важен прежде всего грузооборот, и железные дороги должны быть забастованы, остановив их. Если бы итальянские товарищи сделали это, они, несомненно, получили бы большую выгоду. Чем больше скапливается грузов, тем больше останавливается всё движение, и, как следствие, пассажиры протестуют, потому что им приходится стоять на улице и тщетно ждать свой транспорт. В этих случаях жалобы пассажиров будут адресованы не железнодорожникам, а администрации. В Италии наблюдалось обратное: население было против железнодорожников.

Я говорю вам, что пассивное сопротивление гораздо сложнее осуществить, чем забастовку. Во время пассивного сопротивления железнодорожники постоянно находятся под кнутом начальства; каждые четверть часа им приходится защищаться от всевозможных приказов, а за отказ работать их могут в любой момент уволить.

Возьмите всех государственных служащих: от силы десять из ста знают инструкции, потому что начальство их не инструктирует. Представьте себе, как трудно просвещать и информировать железнодорожников во время пассивного сопротивления.

И ещё одно важное обстоятельство, о котором нельзя забывать: во время пассивного сопротивления равнодушные люди перегружены работой, им приходится непрерывно бежать, они мало отдыхают, а из-за потери компенсаций за проезд их заработок одновременно снижается. Вот почему, мы ещё раз повторяем, осуществление пассивного сопротивления — нелёгкая задача...

Конгресс не осуждал обструкционизм: он не делал выбора между двумя методами — пассивным сопротивлением и забастовками, — предоставив заинтересованным сторонам возможность использовать тот или иной метод по своему усмотрению.

Эти оговорки Конгресса в отношении пассивного сопротивления были настолько незначительны, что в следующем году, в октябре 1907 года, австрийские железнодорожники прибегли к этому средству борьбы: обструкционизм продолжался около двух недель, и компании были вынуждены капитулировать. С тех пор обструкционизм

практиковался в австрийских странах при различных обстоятельствах: среди других корпораций, прибегавших к нему, следует упомянуть почтовых служащих и типографов. Добавим в заключение, что этот метод борьбы стал обычным явлением в Германии: с приближением Нового 1908 года сотрудники крупных издательств Лейпцига прибегли к обратному саботажу — обструкционизму. В одном из отраслевых журналов факты сообщались следующим образом:

«Эти работники, которым, несмотря на высокую стоимость продуктов питания, приходилось работать в крайне тяжёлых условиях, представили работодателям проект тарифа, требуя минимальной заработной платы в размере 110 марок в месяц. Работодатели, рассчитывая на разобщённость среди работников (существовало пять различных профсоюзов, включая один социалистический), хотели затянуть переговоры до межсезонья и таким образом проигнорировать требования рабочих. Однако они рассчитывали на бдительность социалистического профсоюза, который созвал всех работников на собрание, где было решено прибегнуть к саботажу, чтобы заставить работодателей найти решение. На следующий день работники оказали пассивное сопротивление, то есть работали добросовестно, не торопясь, несколько раз пересчитывали счета перед отправкой, проявляли максимальную осторожность при упаковке и т.д., в результате чего многие кипы книг не удалось отправить. Видя такой поворот событий, начальство уже на следующий день одобрило запрошенное повышение.»

Остаётся отметить, что, хотя обструкционизм и доказал свою эффективность в Германии, во Франции он, если я не ошибаюсь, пока не практиковался. Однако вполне вероятно, что он там приживётся... для этого нужны лишь благоприятная возможность и подходящие обстоятельства.

Заключение

Как мы только что увидели из нашего исследования модальностей рабочего саботажа, в какой бы форме и в какое бы время он ни проявлялся, его характерная черта — всегда и всегда! — направленность на боссов у кассы.

У буржуазии не хватает проклятий, чтобы осыпать этот саботаж, который атакует лишь средства эксплуатации, инертные и безжизненные вещи. С другой стороны, хулители рабочего саботажа не возмущаются другой формой саботажа — поистине преступной, чудовищной и до невероятия отвратительной, — которая составляет саму суть капиталистического общества;

Их не трогает этот саботаж, который, не довольствуясь ограблением своих жертв, лишает их здоровья, атакует сами источники жизни... всё! Есть одна главная причина такого безразличия: они — бенефициары этого саботажа!

Саботажники, торговцы, которые, подделывая молоко, пищу самых маленьких, выкашивают подрастающее поколение;

Саботажники, мельники и пекари, добавляющие тальк или другие вредные вещества в муку, тем самым фальсифицируя хлеб, основной продукт питания;

Саботажники, производители шоколада из пальмового или кокосового масла; кофейных зерен из крахмала, цикория и желудей; перца из миндальной скорлупы или оливкового жмыха; джемов из глюкозы; тортов из вазелина; мёда из крахмала и каштановой мякоти; уксуса из серной кислоты; сыра из мела или крахмала; пива из листьев самшита и т. д. и т. д.

Саботажники, торговцы, о, как патриотичны! — больше и лучше, чем Базен, — который в 1870–1871 годах способствовал саботажу своей родины, снабжая солдат сапогами на картонной подошве и патронами, начинёнными угольным порошком; Диверсантами были и их потомки, которые, вступив в отцовскую карьеру с традиционными медвежьими шкурами в сердце, строили взрывоопасные котлы для великих линкоров, треснувшие корпуса подводных лодок и снабжали армию гнилыми «обезьянами», испорченным или туберкулезным мясом, хлебом с тальком или бобами и т. д. [6]

Диверсанты: строительные подрядчики, железнодорожники, мебельщики, торговцы химическими удобрениями, промышленники всех мастей и категорий...

Все диверсанты! Все без исключения!... ибо, конечно же, все они фальсифицируют, портят, фальсифицируют, как могут.

Саботаж есть везде и во всем: в промышленности, в торговле, в сельском хозяйстве... везде! Везде! Этот капиталистический саботаж, пронизывающий современное общество и являющийся той стихией, в которой оно купается – так же, как мы купаемся в кислороде воздуха, – этот саботаж, который исчезнет только вместе с ним, гораздо более предосудителен, чем рабочий саботаж.

Последний – это следует подчеркнуть! – нападает только на капитал, на безопасность, в то время как последний атакует человеческую жизнь, разрушает здоровье и заполняет больницы и кладбища.

Из ран, нанесенных рабочим саботажем, бьет только золото; напротив, кровь льется рекой из ран, нанесенных капиталистическим саботажем.

Рабочий саботаж вдохновляется великодушными и альтруистическими принципами: он – средство защиты от поборов работодателей; это оружие обездоленных, борющихся за свое существование и существование своих семей; он направлен на улучшение социальных условий трудящихся масс и освобождение их от угнетающей и подавляющей их эксплуатации... Это закваска светлой и лучшей жизни.

Однако капиталистический саботаж — это лишь средство усиленной эксплуатации; он лишь возбуждает необузданные и никогда не насыщаемые аппетиты; он — выражение отвратительной алчности, ненасытной жажды богатства, которая не останавливается перед преступлением ради своего удовлетворения... Вместо того чтобы породить жизнь, он сеет вокруг себя лишь разрушение, траур и смерть.

Во время гонки Circuit de l'Est под предлогом саботажа самолёта поднялся большой переполох. Бессмысленно оправдывать революционеров в таком преступлении. Они слишком высоко ценят это чудесное изобретение, чтобы думать о саботаже самолёта... даже если им управлял офицер.

После расследования было признано, что единственный и неповторимый диверсант был честным торговцем... и патриотом, как ему быть!

Этому торговцу было заказано высококачественное касторовое масло (используемое для смазки двигателей), а он поставил в качестве замены сульфорицинат аммония, низкокачественный и вредный продукт, который продавал по той же цене, что и касторовое масло.

Под действием тепла, выделявшегося при чрезмерно быстром вращении двигателя, сульфорицинат аммония разлагался, образуя серную кислоту, коррозионное действие которой было губительно для металлических деталей, которые вместо смазки повреждали и обездвиживали. Этот капиталистический саботаж мог привести к гибели лётчиков Леганье и лейтенанта Аквавивы...

Примечания

[1] Циркуляр № 9, 1896 г.

[2] Рабочий РТТ, выпуск за сентябрь 1905 г.

[3] Это г-н Трейх, тогдашний секретарь Лиможской биржи труда и пламенный «гедист»... вскоре после этого назначенный регистратором в Бордо.

[4] Однако бывают случаи, когда продавец машины не полностью передаёт покупателю её производительную функцию. Например, некоторые обувные машины оснащены счётчиком, регистрирующим количество произведенной обуви, и продаются с условием, что покупатель будет выплачивать определённую сумму за каждую произведенную пару обуви в течение неопределённого срока.

[5] В выпуске от 21 мая 1905 г.

[6] Ещё один недавний пример капиталистического саботажа.